

МИР ПРОФЕССИЙ: ПЕРЕСМОТР АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

Автор: П. В. РОМАНОВ, Е. Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

Представляем новое для российских социологов исследовательское направление, посвященное социологии профессий. К этой проблематике обращаются все больше ученых за рубежом и в России. Как и любой поиск, это направление содержит и эвристические, и дискуссионные аспекты, которые нуждаются в обсуждении, развитии и адаптации к российской действительности. Полагаем, что эта тематика интересует как специалистов в различных сферах социологического знания, так и начинающих исследователей.

РОМАНОВ Павел Васильевич - доктор социологических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики (E-mail: pavel.romanov@socpolicy.ru).

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна - доктор социологических наук, профессор ГУ-ВШЭ и Саратовского государственного технического университета (E-mail: elena.iarskaia@socpolicy.ru).

Аннотация. Статья посвящена обзору основных теоретических подходов к изучению повседневной жизни профессий и профессиональных групп, неявных социальных взаимодействий, неформальных отношений, культурных практик, которые обычно скрыты от глаз внешних наблюдателей. Исследование этих аспектов выходит на вопросы о знании, которое формируется в ходе работы у разных участников группы, разделенных статусными позициями, но объединенных одним делом и общим миром повседневности. Статья содержит краткую классификацию социологических воззрений на профессии, описание эволюции социально-антропологических подходов к изучению организаций и работы в XX веке. Показано, что среди отечественных социологов распространены нормативистские атрибутивные толкования профессионализма, однако отмечены новые тенденции. Современные отечественные исследования профессии развиваются в направлениях феноменологии и социальной критики, опираясь на полевые этнографии и социокультурный анализ символических форм повседневности профессиональных групп и сообществ.

Ключевые слова: профессии * профессиональные группы * повседневность * социология * социальная антропология * этнография * феноменология * социальная критика

Изучение профессиональных групп в России - непростое занятие для социолога. К особенностям отечественной методологии относится укоренившаяся с давних пор привычка рассматривать профессиональную деятельность в терминах функционального содержания и трудовых навыков [1], что существенно отличается от сложившихся международных подходов в рамках социологии профессий. Другая отличительная черта - собственно предмет анализа. Мир профессий изменчив и многообразен; их символические границы, охраняемые традициями и буквой инструкций, постепенно стираются или заново перечерчиваются. Одни профессии канули в лету, другие лишь укрепляют свой статус, третьи оказались вытесненными на обочину. Контуры многих профессий в течение длительного периода и под воздействием различных факторов оказались размытыми, а в ряде случаев это сопрягается еще и с невысокой степенью интеграции и признания обществом со всеми вытекающими последствиями. Последнее обстоятельство в значительной степени было усилено в период масштабной российской трансформации 1990-х годов. В статье рассматриваются отличительные особенности подходов к изучению профессий в разных теоретических традициях, обосновывается важность этнографического исследования жизненного мира профессионалов.

Социология профессий

Западная социология профессий долгое время фактически концентрировалась на осмыслении социальной роли профессиональных групп интеллигенции и среднего класса - изначально в фокусе внимания оказывались более престижные по статусу группы: врачи, юристы, менеджеры, военные, священники, а позднее - инженеры, учителя, социальные работники. Профессионалами даже в повседневном понимании в Западной Европе всегда были и остаются специалисты определенных видов деятельности, имеющие высшее образование и высокий общественный статус. Рассмотрим кратко базовые направления социологии профессий.

Социологи функционалистского направления [2], анализируя характер разделения труда в обществе, рассматривали вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий, и полагали, что профессиональные группы характеризуются важной общественной ролью в соответствии с публичными заявлениями и идеологией представителей этих групп [3]. Профессионализация понималась ими как *позитивный и прогрессивный процесс*, который обеспечивает "общее здоровье социального организма" [4] и способствует осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными.

Вопросы профессиональной компетентности затрагиваются атрибутивным подходом (см.: [5]), который проводит оценку черт, или характеристик того или иного вида занятий по заранее оговоренной шкале, вынося вердикт относительно статуса: профессия это или нет. Еще в 1915 г. А. Флекснер - эксперт по проблемам медицинской профессии предложил список атрибутов, которые, как предполагалось, отвечают идеальному типу профессионала: вовлеченность в интеллектуальную деятельность, предполагающую индивидуальную ответственность; привлечение науки и обучение в практических целях; применение знаний посредством технологий, передаваемых через образование; самоорганизация; альтруистическая мотивация; наличие профессионального самосознания [6]. С тех пор исследователи спорили по поводу этих атрибутов, создавали новые списки и не могли достичь консенсуса, пытаясь отличить профессии от не-профессий [7]. Делались попытки сформулировать атрибуты профессионализма, которые затем позволили бы оценить, насколько тот или иной вид занятий приближается к идеальному типу профессии [8].

В вопросах профессиональной компетентности именно атрибутивный подход предоставляет наблюдателю инструменты оценки представителей той или иной профессии. Этот подход позволяет определить, отвечает ли их деятельность набору вы-

бренных качеств. Однако данная перспектива не объясняет, почему между группами, представляющими различные виды занятий или профессий, возникают конфликты, например там, где пересекаются сферы ответственности или ценности. В 1960 - 1970-е годы в англо-американской социологии появились критические публикации, авторы которых на основании проведенных исследований усомнились как в том, что профессионалы действуют во имя общественного блага, так и в необходимости ограничиться фиксированным набором атрибутов профессиональной деятельности.

Критический взгляд на социально-профессиональную структуру общества позволяет проанализировать различные проявления неравенства в иерархизированной мозаике профессий и видов занятости, должностей и специализаций. Все они обладают различной властью и степенью автономности своего труда, отличаясь друг от друга особыми маркерами идентификации. В соответствии с этим подходом каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизируя профессиональное знание как собственность, поддержать status quo, удержать или захватить власть и наиболее выгодное положение в стратификационной системе (см., например [9]). Поэтому профессионализация здесь толкуется как процесс создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге - стремление к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов [10]. Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и обеспечивать тем, кто допущен к практике, безопасность как владельцам этого капитала. Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы.

Разнообразные социальные и культурные изменения в современном индустриальном обществе тесно связаны с трансформирующей ролью профессий и их определением в контексте отношений между государством, рынком и общественностью. В *неоуэберийской перспективе* характер профессионализации оказывается тесно связанным с закреплением прав профессиональных групп на автономию от государства и самоуправление, которое осуществляется в рамках специализированных ассоциаций, эволюционировавших от средневековых гильдий и научных обществ. Членство в ассоциациях позволяет профессионалам организовать защиту своих привилегий от рыночной конкуренции, контроль за профессиональным образованием и подготовкой, за работой отдельных профессионалов и потребностями клиентов [3]. В фокус внимания при таком подходе помещаются различные, в том числе конфликтные, негативные аспекты отношений между государством, рынком, профессиями и гражданами. Власть классических социально ориентированных видов занятости, например, медиков, оспаривается появлением новых профессионалов на рынке услуг здравоохранения, расширяющих возможности выбора для пользователей. Эти процессы находятся под влиянием новых форм социального конфликта, порожденного наднациональной политикой, кризисом государства всеобщего благоденствия, вызовами, возникающими в связи с выдвигаемыми на повестку дня требованиями по вопросам гражданства, открытости, равных возможностей, культурного многообразия. Меняются традиционные формы консенсуса, сложившиеся между профессионалами как провайдерами и потребителями услуг.

Если взять за основу определения профессии деятельность, приносящую доход и требующую особых знаний, навыков и правил поведения, то фокус исследования будет достаточно широк, чтобы в него могли попасть всевозможные виды занятий. Тогда, в отличие от классических англо-американских определений, можно иметь в виду даже те виды занятий, для которых и вовсе не требуется высшее образование, но где вырабатываются особые, "свои" знания и способы их передачи, а вокруг конкретного вида работы складывается свой специфический жизненный мир, формируются стилевые особенности и габитус. Именно такая научная традиция, зародившаяся еще в работах М. Вебера, а затем получившая развитие у интеракционистов чикагской школы

(см., например [11]), позволила рассмотреть понятие "профессия" в качестве социального ярлыка. В этом смысле, используя слово "профессия", подразумевают определенный вид деятельности, внутренне единый, но при этом отличающийся и даже закрытый от внешнего мира особыми знаниями и технологиями. *Феноменологический подход* рассматривает профессию как относительно замкнутый и самодостаточный жизненный мир, интерпретируя взгляды профессионалов на их повседневность.

Признание множественности сосуществующих и конкурирующих между собой рациональностей и этических систем позволяет лучше понять мир конкретной профессии изнутри. Ведь в повседневной профессиональной деятельности люди имеют дело с алогичными и противоречивыми инструкциями, ошибками и практиками приладки и пригонки деталей, латентными правилами, позволяющими работнику обходить формальные регламенты, чтобы достигать целей. Причем цели эти задаются вовсе не только квалификационными характеристиками, должностными инструкциями, миссией профессии или организации, но и личными амбициями, житейскими проблемами, локальными властными отношениями и многими другими условиями, которые создают специфическую рациональность и идентичность агента поля профессиональной деятельности. Следовательно, профессия - это еще и *номинация, социальный "ярлык"*, который возникает в результате усложняющегося разделения труда, становясь элементом идентичности человека и параметром социальной структуры общества.

Проблема самоидентификации особенно обостряется в условиях кризиса, социально-экономических и политических реформ. Границы, очерченные вокруг профессии субъективными и объективными маркерами, организованы иерархически, они позволяют людям идентифицировать себя и других в связи с профессией, работой и карьерой, что не так-то легко сделать в сегодняшнем российском обществе, в условиях его статусной рассогласованности. Даже в западном обществе, с его более стабильными социальными институтами и множеством вертикальных и горизонтальных структур, социальный статус человека и его предпочтения находятся в тесной связи с такими малозначительными, казалось бы, "косвенными" характеристиками, как место проведения отпуска, профессии ближайших друзей, прочитанные книги, журналы... Иными словами, профессиональный статус и категории не всегда поддаются четкой дефиниции. Реальная социальная иерархия не может рассматриваться вне зависимости от того, как человек сам определяет в ней свое место, а также от того, какой ранг соответствующей группе отводят его сограждане [12].

Важным в связи с этим является рассмотрение дискурсивных аспектов профессий, а именно, сложившихся или формирующихся способов говорить и представлять проблемы, анализ "разговоров о профессии". Люди оказываются на перепутье в ситуации рассогласования и даже распада статуса - с одной стороны, необходимо поддерживать доход, с другой, - содержание своей профессиональной деятельности [13]. То, как решается эта дилемма, в каждом случае зависит от конфигурации профессиональных ресурсов, в том числе, от способности к самоорганизации. Отметим, что представления о профессии как способе зарабатывать на жизнь поляризованы в сознании разных социальных групп и дискурсивных агентов. Например, метафора "новая профессия" в одноименном рассказе В. Распутина (1998) передает негативное отношение писателя к постсоветским переменам, изувечившим недавнее прошлое, подобно раковым клеткам, губящим социальный организм.

Вглядываясь в иерархическую структуру профессий как в дискурсивную формацию, представляя ее не как слепок идеальной модели, а как процесс достижения соглашений, мы можем понять, что в создании такой картины важнейшую роль играют процессы номинации - регулятивные соглашения между государством, профессиональными объединениями, бизнес-структурами и обществом о наименовании, содержании и статусе тех или иных профессий, должностей или видов занятости. Частью этой традиции являются академические типологии, используемые для различения типов занятости в количественной социологии, а также официальные классификаторы должностей и профессий. Все эти номинации обладают различной властью и степе-

нию автономности своего труда, отличаясь друг от друга особыми маркерами идентификации.

Определение профессии в отечественном контексте

Различия между трактовками профессионализма, унаследованными от советского обществоведения, и теми, которыми характеризуется англосаксонская традиция социологии профессий, на наш взгляд, недостаточно отрефлексированы. Если в англоязычных социологических справочниках определение профессии (profession) начинается с того, что это занятие (occupation) представителей среднего класса, характеризующееся высоким уровнем технической и интеллектуальной компетентности [14], то в русском языке термин "профессия" используется в самом широком смысле. Например, в названиях официальных реестров видов занятий звучит словосочетание "профессии рабочих", а к служащим относится понятие "должности": Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих (ЕТКС) и Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих; Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). А в "Российской социологической энциклопедии" профессия определяется как "род трудовой деятельности, занятий, определяемый производственно-технологическим разделением труда и его функциональным содержанием" [15] и, одновременно, в качестве групповой характеристики "большая группа людей, объединенная общим родом занятий, трудовой деятельности" [15]. Как видим, в этой трактовке трудовая и профессиональная деятельность не различаются в принципе. Поэтому в отечественном контексте профессии изучались в рамках социологии труда.

Процедуры и техники получения эмпирической информации здесь основывались на количественной методологии. Предметом исследований выступали социальные общности - трудовые коллективы, рабочий класс. Методологическим основанием стала нормативная модель коллективного производства, практически исключающая возможность различных интересов и конфликтов между социальными группами внутри предприятия. На этом фоне новаторской работой стала книга ленинградских социологов "Человек и его работа", исследование, откровенно заявившее в 1960-е годы, в том числе, о выявленных противоречиях в мотивации и неудовлетворенности трудом среди опрошенных рабочих [16].

В свою очередь, этнографические методы изучения профессии ориентируются на возможность постижения социальной реальности, заложенной в рутинных взаимодействиях социальной группы, "подойти как можно ближе", стремясь создать "насыщенное описание" [17]. Здесь можно вспомнить единичные попытки использовать этнографические методы в советской социологии труда. Хорошо известна работа В. Б. Ольшанского, который в течение нескольких месяцев собирал материалы для социологического исследования, работая сборщиком электроаппаратуры на заводе [18]. В этом исследовании перед социологом предстали неформальная социальная организация на уровне цеха, социальные конфликты, противоречия в социальной структуре предприятия. Однако в исследовательскую программу не входил детальный анализ этих социальных феноменов, и они оказались вне академической и публичной дискуссии. В случае с А. Н. Алексеевым, работавшим в типографии и проводившим включенное наблюдение, длительное участвующее исследование ленинградского социолога было объявлено политически неправильным, и ученый подвергся остракизму [19].

Разделяемый многими советскими и постсоветскими социологами смысл профессиональной деятельности предлагается в словаре, изданном белорусскими учеными. Здесь воспроизводится такое же расширительное толкование, что и в российской энциклопедии, однако автор словарной статьи делает попытку перекинуть мостик к классическим объяснительным моделям западного функционалистского свойства: "устойчивый и относительно широкий род трудовой деятельности, являющийся ис-

точником дохода, предусматривающий определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда, а также его функциональным содержанием" [20]. Как можно видеть, принципиальное отличие этой интерпретации заключается в том, что авторы делают специальный акцент на теоретических знаниях и опыте, что позволяет им изучать не только состояние, но и различные процессы в рамках заявленного предметного поля - "выбор профессии", "повышение профессионального уровня", "рост профессионализма", "приобретение профессионального мастерства". Эти процессы обычно ассоциируются с приобретением новых знаний, умений, опыта, преумножением компетенций. Эти авторы словно бы говорят - все мы профессионалы в своей области - в науке, искусстве, сапожном и слесарном деле. Просто некоторые делают свою работу лучше - и это настоящие профессионалы, чем бы они ни занимались. Предполагается также, что почетность труда слесаря ничуть не меньше, чем труда врача. Это политический и экономический аргумент, порожденный, с одной стороны, тем фактом, что капиталистического среднего класса (базы для западноевропейских профессий) в СССР официально не было. С другой стороны, это продолжение воззрений ранних политэкономов, упрощенное понимание марксизма, в рамках которых занятость перегружена чисто экономическими смыслами.

В отечественных исследованиях речь идет только о конвенциональной, общественно признанной занятости. Такой взгляд распространился далеко за пределы обществоведения и стал частью повседневного знания, чем-то самым собой разумеющимся. Некоторые виды труда естественным образом исключались из анализа профессиональной занятости, хоть для их представителей они являлись единственным источником дохода, включали трудозатраты и даже требовали опыта и специальной подготовки - речь идет, например, о работниках коммерческого сектора, изготовителях и продавцах наркотиков. Их называли "профессионалами" исключительно с использованием кавычек, чтобы не замарать понятие социалистического труда чуждыми явлениями.

Нас могло бы выручить определение профессионала как человека, обладающего особым экспертным знанием в своем деле, пользующегося одобрением клиентов и коллег, имеющего высокий статус [21], но и оно толкуется неоднозначно: ведь профессионала можно определить и по формальным признакам (стаж, должность, разряд): так, З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян к категории "профессионалы" относят квалифицированных рабочих, специалистов высшей и средней квалификации, руководителей организаций и предприятий [22].

Было бы ошибочным полагать, что отечественные исследования не осведомлены о комплексном характере феномена профессии. Некоторые аналитики вполне сознательно обосновывают неприменимость международных подходов и классификаций и преимущества формально правового регулирования, осуществляемого государственными институтами. Такой нормативный тарифно-квалификационный подход оказывает серьезное влияние не только на практику, но и на академический язык и оптику исследований. Например, Т. Л. Александрова, проведя анализ применения термина "профессия" в исследованиях Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Вебера, российских и современных западных социологов, для себя сознательно выбирает определение, соотносимое с бюрократической логикой квалификационного справочника: "Профессия - это социальный механизм дифференциации и специализации трудовой деятельности на видовом и внутривидовом уровне, функционирующий как средство развития содержания труда" [23].

Между тем, стремление государства кодифицировать сферу занятости, упорядочить исторически сложившиеся в разных отраслях и постоянно меняющиеся способы деления труда выражается в далеко не всегда согласованных попытках выработать валидную классификацию занятий населения или профессий и привести их список к единому стандарту. К 1980-м годам в различных отраслях советской экономики действовало 280 тарифно-квалификационных справочников, которые содержали 23,5 тыс. наименований работ и профессий. Эта разрозненность делала применение справочни-

ков затруднительным: разные наименования профессий присваивались одним и тем же видам работ. К 1986 г. была произведена дальнейшая унификация наименований профессий, и количество их в справочнике профессий снизилось до 5600. Сейчас в него внесено более тысячи изменений [24], уточнены характеристики профессий рабочих в связи с изменением содержания труда, техники и технологий, пенсионного законодательства, новых требований к качеству продукции, работ, квалификации, знаниям. Но поправки нормативных документов не всегда успевают за темпом изменений в реальной жизни профессий и организаций.

Разделение ответственности и полномочий в попытках стандартизировать мир профессий чревато рассогласованностью действий и результатов. Так, за разработку ЕТКС и Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих отвечает Научно-исследовательский институт труда и социального страхования Минсоцздрава России (ранее - Минтруда), а ОКПДТР готовится Госстандартом России. Разночтения этих документов по многим позициям ведут к сложностям в работе кадровых служб и нарушениям прав трудящихся. По ряду аспектов эти разночтения остаются до сих пор, хотя в начале 2000-х годов документы были подвергнуты существенной переработке. Впрочем, они по-прежнему не могут претендовать на статус общих стандартов для всех работодателей. Так, при найме на работу в медицинские организации и учреждения здравоохранения кадровики руководствуются Номенклатурой должностей медицинского и фармацевтического персонала и специалистов с высшим профессиональным образованием в учреждениях здравоохранения [25]. Данный пример иллюстрирует неовеберянскую идею власти и автономии медицинской профессии на российском материале.

Попытки со стороны профессиональных ассоциаций или бизнеса воздействовать на государство успешны лишь там, где работают каналы демократического и/или корпоративного влияния. Скучное и не во всем грамотное описание универсальной профессии "переводчик" в квалификационных справочниках должностей стало в 1991 г. объектом критики со стороны новорожденного Союза переводчиков. Тогда же в Госкомтруда СССР были направлены предложения по изменению характера и содержания этих документов, в первую очередь, статей, касающихся переводчиков. Ведомству предлагалось признать факт существования целого ряда специфических переводческих профессий, начать совместно с их представителями работу по совершенствованию их правового статуса, гарантии их прав и интересов, однако обращение не возымело результата [26].

И все же постепенно в России получают официальное признание новые должности и профессии - их теперь включают в классификатор. Изменения в разделе "Профессии рабочих" коснулись наименований ряда общеотраслевых профессий, а также профессий производства электронной техники и полиграфического производства, системы здравоохранения. Например, аннулирована профессия "фасовщица" (это понятие перенесено в раздел должностей), включены профессии "оператор электронного набора и верстки", "повар судовой", "промышленный альпинист", "сестра-хозяйка". А в раздел должностей включено 119 новых позиций - например, "врач здравпункта", "ландшафтный архитектор" и "специалист по профессиональной ориентации инвалидов" [25]. Сами эти практики составления и пересмотра списков профессий должны привлечь внимание социолога, заинтересованного в изучении тех конфликтов и разночтений, которые возникают на пересечении интересов и властных дискурсов различных институтов и акторов.

Попытки стандартизировать классификации профессий и занятий еще более осложняются в международном контексте. Международный исторический стандарт классификации занятий населения (профессий) HISCO, который разрабатывался с 1950-х годов, имеет структуру дерева с девятью "главными" группами, 76 "подчиненными" группами, 296 "разделами" и 1 675 "мик로그руппами". "Листья" этого дерева формируются десятками тысяч названий занятий [27]. Сравнительные исследования по истории труда сильно затруднены ввиду неопределенности терминологии, ее разно-

родности во времени и пространстве. Между тем профессии и виды занятости - это ключевые переменные во многих областях истории, начиная с исследований стратификации и мобильности до демографии, исследований рынков труда и производства, создания и использования баз данных по переписям населения.

Антропология профессий

Термином "антропология профессий" мы обозначаем особый методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни профессий и профессиональных групп, понимаемых как раз в таком широком смысле. Исследование этих аспектов в любом случае выходит на знание, которое формируется в ходе работы у разных участников группы, разделенных статусными позициями, но объединенных одним делом и общим миром повседневности. Классическим социологическим взглядам на профессиональные группы как на узкий круг избранных, обладающих высоким статусом, властью и достатком, антропологи предпочитают перспективу, позволяющую приблизиться к повседневности любых видов занятости. Антропологический взгляд на профессии стремится не подравнивать изменчивую и многообразную реальность под идеальные схемы, а приблизиться к пониманию жизненных миров и способов действий тех людей, которые эту реальность конструируют.

Эти представления в антропологии профессий XX века развивались в связи с эволюцией таких направлений социальной мысли, как социология профессий, индустриальная антропология, антропология труда, организационная антропология (ведь деятельность большинства профессиональных групп тесно связана с организационным контекстом, она *организована*, то есть подчинена неким правилам, имеет определенную структуру, даже если осуществляется вне стен какого-либо формального учреждения).

Развитие антропологии профессий неразрывно связано с эволюцией социальной антропологии организаций, в том числе проектами, проводившимися в крупных промышленных организациях, образовательных учреждениях, медицинских и социальных сервисах и других организационно-профессиональных контекстах. Кроме того, свой вклад в формирование знаний о внутренней жизни профессий, корпораций и трудовых коллективов внесло изучение неформальной занятости.

Благодаря новым открытиям пересматривались прежние гипотезы и выводы, чему способствовало и изменение обстановки в обществе [28]. В течение XX века статус и взгляды северо-американских и западноевропейских антропологов менялись (см.: [29]): от ведущих позиций в конструировании организационных и менеджерских теорий "капитализма благоденствия"¹ в период с 20-х по 50-е годы - к довольно периферийной нише описания тяжелого положения рабочего класса и критики практик менеджмента в 60 - 70-е годы, а затем с 80-х годов - вновь к новым теориям и методам, способным по достоинству оценить то скрытое знание, которым владеют работники.

Одним из ключевых понятий антропологии профессий, как и любого антропологического направления, является "культура". Антропологи уверены, что для понимания культуры профессиональной группы требуется длительное, интенсивное и широкое наблюдение, которое сопровождается беседами с инсайдерами. Теоретики включенного наблюдения обосновывают его применение для изучения "народного" опыта (ср.: "этнометоды", этнометодология) там, где повседневность, рутинные взаимодействия

¹ Welfare capitalism - капитализм благосостояния, патерналистская философия некоторых крупных теоретиков индустриального менеджмента в 1920-е годы, которые полагали, что "хорошее обращение" с рабочими повлечет удовлетворение рабочих, более высокую производительность труда и ненужность профсоюзов, см. об этом: [30].

участников характеризуются групповой спецификой, подчас мало понятной непосвященным [31].

Культура профессиональной группы - это разделяемые членами группы общие смыслы, основанные на сходной или совместно осуществляемой деятельности, позволяющие им справляться с испытаниями внешней среды, соблюдая внутреннее единство². Чтобы отличить культуру профессиональной группы от более широкой ценностной системы, ее нередко называют субкультурой. К ней относят "как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций - то есть социальные отношения и их культурные коды" [32]. Профессиональная субкультура - это устойчивые фоновые знания и связанные с ними практики, "правила игры", принимаемые как должное людьми опытными и непривычные для новых членов союза. Если профессиональная группа обладает давними и устойчивыми традициями, то новички успешно и быстро обучаются "правильным" (то есть принятым в данном контексте) способам мыслить и воспринимать проблемы. Некоторые авторы, например, предлагают изучать символику, чтобы взглянуть изнутри на профессиональную культуру, формирующуюся в условиях неопределенности, посмотреть, каким образом идеологические противоречия разрешаются или затеваются "мифами", оценить парадокс и двусмысленность, выраженные в одежде, историях, устройстве офисов. Другие ориентируют исследования на поиск способов трансформации организаций, вмешательства в организационные процессы, влияния на организационные результаты посредством целенаправленного использования метафор, историй, ритуалов и церемоний [33].

Исследователь, постигая профессиональную среду изнутри, фиксирует то, как происходит процесс приобретения языка субкультуры, как строятся социальные определения ситуаций и действий. Несколько иной ракурс анализа - изучение множественности уровней символической интерпретации в организационной среде, то есть множества отличающихся друг от друга субкультур. Яркий пример - медицинское учреждение, где персонал может быть сильно дифференцирован по своим субкультурным особенностям. Ввиду того, что всякая достаточно большая организация разделена по сферам деятельности и уровням административной иерархии, то и каждая социальная ситуация интерпретируется по-своему разными группами.

В 1990-е годы в отечественных исследованиях шире стали применяться качественные, этнографические методы, в том числе и для изучения профессий [34]. Исследователи обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных групп [32, с. 139 - 161; 35]: журналистов, медиков, учителей, художников, геологов, актеров, магов, программистов, социальных педагогов, социальных работников, военных. Важным элементом профессиональной субкультуры выступает способность вырабатывать знания и умения, с помощью которых людям удастся совладать как с монотонностью, так и с неопределенностью трудовых операций. Именно это становится предметом внимания антропологов на современном этапе.

"Этнографический" подход в некоторых работах становится орудием социальной критики, позволяющей представить взгляд снизу вверх и переосмыслить управленческую рациональность с использованием прямой речи, текстов интервью и голосов представителей профессиональных групп и сообществ. Другие подходы носят прикладной характер и направлены на развитие управленческих методов, третьи наполнены гуманистическим намерением авторов донести до общества тихие голоса закрытых маргинальных групп.

² Определенное таким образом, это понятие используется здесь синонимично понятию "профессиональная культура". В отличие от эволюционистской трактовки "профессиональной культуры" как степени квалификации и соответствия принятым нормативам, в данном случае речь идет об интерпретативном или семиотическом определении культуры вообще и профессиональной культуры, в частности.

Теоретические подходы, которые обсуждались выше, не являются изолированными друг от друга теоретическими перспективами. Лишь в том случае, когда они применяются вместе, эти подходы могут позволить многостороннее видение социального процесса, посредством которого общество начинает определять данный вид занятий как профессию, а представители этого рода деятельности относят себя к группе профессионалов. Стабильное состояние профессионализма для некоего вида занятий достигается постепенно, лишь после того, как сформированы структуры соответствующего образования, лицензирования, учреждены ассоциации и журналы, принят этический кодекс. Аналитическая перспектива социальной критики привлекает наше внимание к чертам ригидности и консерватизма, практикам власти и исключения, реализация которых сопутствует конституированию профессии. В таком контексте профессионализация есть процесс успешного соревнования за символические и утилитарные ресурсы между сходными или пересекающимися видами занятий.

Обычное деление на сферы интересов - "современность и индустриальный мир - дело социологии, а этничность и удаленные Другие - задача этнографов/антропологов" - пересматривается. В настоящее время различия между антропологией и социологией профессий несколько размыты, однако, говоря об антропологических исследованиях, речь ведут, прежде всего, об изучении жизненного мира профессионалов "изнутри", об исследованиях неявных социальных взаимодействиях, неформальных отношений, культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюдателей.

Современная антропология профессий развивается в направлениях феноменологии и социальной критики, опираясь на полевые этнографии и социокультурный анализ символических форм повседневности профессиональных групп и сообществ, изучает феномены в исторически и географически выверенном контексте, подвергая пересмотру сложившиеся уклады социальных отношений. Главные акценты при этом делаются на разделяемом, общем знании, специфике жизненного мира, стилевых особенностях, идентичности занятых тем или иным видом работ субъектов. Эти приемы используются и в качественной социологии профессий, поскольку границы между этими дисциплинами сегодня весьма условны.

Символические и поведенческие элементы профессиональных субкультур выявляются при помощи участвующего наблюдения, предполагающего естественные способы коммуникации с информантами или проведение специально организованных интервью. Исследователи пытаются распознать и понять смысл тех неформальных отношений и культурных практик, что скрыты от посторонних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Профессия // Социология труда. Теоретико-прикладной словарь / Под ред. В. А. Ядова. СПб.: Наука, 2006. С. 245.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1964; Parsons T. The Social System. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.
3. Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании // www.ecsocman.edu.ru/db/msg/30074.html
4. Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. London: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 29.
5. Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социол. исслед. 2005. N 1. С. 66 - 77.
6. Reeser L. C., Epstein I. Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future. New York: Columbia University Press. 1996. P. 70 - 71.
7. Greenwood E. Attributes of a Profession // M. Zald (ed.) Social Welfare Institutions. London: Wiley, 1965. P. 509 - 523.
8. Millerson G. L. The Qualifying Association. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.
9. Freidson E. Professional Dominance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970; Larson M. S. The Rise of Professionalism. Berkeley, CA: University of California Press, 1977; Mills C. W. White Collar. New York: Oxford University Press, 1953.

10. Jones S., Joss R. Models of Professionalism // M. Yelloly, M. Henkel (eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 18.
11. Хьюз Э. Ч. Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. 2008. Том 6. N 3. С. 385 - 396.
12. Boltanski L., Thevenot L. Finding one's way in social space: a study based on games // Social science information. 1983. Vol. 22. N 4 - 5. P. 631 - 680.
13. Попова И. П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: Наука, 2004. С. 22.
14. Abercrombie N. et al. Dictionary of Sociology. London: Penguin Books, 1984. Русское издание: Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1997; Jary D., Jary J. The Harper Collins Dictionary of Sociology. Harper Perennial. 1991. Русское издание: Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Коллинз). В 2 т. / Пер. с англ. М: Вече, АСТ, 1999.
15. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М: Норма-Инфра-М, 1998.
16. Здравомыслов А., Рожин В., Ядов В. Человек и его работа. М.: Мысль, 1967.
17. Гиртц К. В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997.
18. Ольшанский В. Б. Были мы ранними // Социологический журнал. 1995. N 1. С. 195 - 205.
19. Алексеев А. И. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1 и 2. М.: Ин-т социологии РАН, 1997.
20. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003.
21. Батыгин Г. С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха: вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 3. Тюмень; Москва, 1994. С. 9 - 19.
22. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Профессионалы - портрет на фоне реформ // Социол. исслед. 2005. N 2. С. 28 - 36.
23. Александрова Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социол. исслед. 2000. N 8. С. 12.
24. Смирнова И. Чем сложнее работа, тем выше разряд: Интервью с Н. А. Софийским // Кадровое дело. 2003. N 10. // <http://www.kdelo.ru/kd.pi?page=state&id=1269>
25. Кокорева А. В. В России появились новые профессии и должности // Кадры предприятия. 2003. N 8 // <http://www.dis.ru/kp/arhiv/2003/8/1.html>
26. Гуревич Л. О. В мире переводческих профессий // Мир перевода. 1994. N 4 // <http://www.ets.ru/arc09-r.htm>
27. HISCO - Historical International Standard Classification of Occupations: Web-Based Information System on the History of Work. Last updated: October 11, 2001 // <http://www.iisg.nl/research/hisco.html>
28. Wright S. Culture in Anthropology and Organizational Studies // S. Wright (ed.). Anthropology of Organizations. L.; N. Y.: Routledge, 1994. P. 1 - 34.
29. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2005. С. 13 - 49; Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. N 5. 2008. С. 3 - 17.
30. Burawoy M. The Anthropology of Industrial Work // Annual Review of Anthropology. 1979. N 8. P. 231 - 66.
31. Jorgensen D. L. Participant Observation: A Methodology for Human Studies. Newbury Park; London; New Delhy: Sage, 1989. P. 23 - 24.
32. Щепанская Т. Е. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. N 1. С. 141.
33. Owen M. J. Studying Organizational Symbolism: Qualitative Research Methods Series. L.: Sage, 1996. P. 13.
34. Ильина М. Частный извоз в провинциальном городе: самоорганизация социальной группы // Рубеж. 1999. N 13 - 14. С. 201 - 218; Алашеев С. Неформальные отношения в процессе производства: взгляд изнутри // Социол. исслед. 1995. N 2. С. 12 - 19; Киблицкая М. Русский частный бизнес: взгляд изнутри//Рубеж. 1997. N 10 - 11. С. 210 - 222.
35. Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2005; Банников КЛ. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002; Романов П. В. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб // Социол. исслед. 2005. N 4. С. 101 - 110; Шумов К. Э. Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 128 - 164; Профессии.doc / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007.